

(по данным налогового списка 1412 г.) // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 199–219; Чернова Л. Н. Городская недвижимость лондонских олддерменов XIV–XVI веков: структура и использование // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 12. С. 94–103; Винокурова М. В. Проблема «манор-город» в Англии раннего Нового времени // Она же. Мир английского манора. М., 2004. С. 137–178; и др.

2 Текст был опубликован в качестве приложения к книге: Hyde P. Thomas Arden in Faversham: the Man Behind the Myth. Faversham, 1996. Appendix 18. P. 383–456.

3 Ibid. P. 383.

4 При публикации все держания были пронумерованы; здесь и далее ссылки даются на эти номера.

5 См.: Greenstreet J. Abstracts of the Kent Fines (Pedes Finium), Levied in the Reign of Edward II // Archaeologia Cantiana. Vol. XII. L., 1878. P. 295. № 291; P. 300. № 318; Vol. XIII. L., 1880. P. 292. № 378; Vol. XIV. L., 1882. P. 268. № 661; P. 275. № 695; Vol. XV. L., 1883. P. 281–282. № 773, 778; P. 292. № 829.

6 The Common-Place Book of Faversham / ed. by K. M. E. Murray // Archaeologia Cantiana. L., 1936. Vol. 48.

7 Речь идет не о натуральных платежах, а о денежном эквиваленте.

8 Кроме того, после окончания рентного списка за ним следует тот же список, но только расписанный в соответствии с тем, кому в монастыре следует рента.

9 Curia Regis Rolls of the Reign of Henry III. L., 1961. Vol. XIV. P. 364.

10 См.: Placitorum in Domo Capitulari Westmonasterensi Asservatorum Abbreviatio. L., 1811. P. 140.

11 См.: The Common-Place Book of Faversham. P. 109.

12 Возможно, здесь нашло отражение право монастыря как сеньора на заброшенное имущество.

13 См.: Hyde P. Op. cit. P. 389.

14 Его держания при этом тоже делятся на несколько категорий в соответствии с тем, кто их держит: он сам, его наследники, его доверители или распорядители.

УДК 94(420).05-055.2-058.12

ЖЕНСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ВЛИЯНИЯ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЗНАТНЫХ ДАМ В АНГЛИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

А. И. Абаренова

Саратовский государственный университет
E-mail: aleks-abar@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о так называемых женских социальных сетях влияния, связанный с проблемой «власти женщин». На материале переписки леди Гонории Лайл автор выявляет каналы неофициального влияния английской аристократки первой половины XVI в. и показывает, что наиболее эффективными среди них являлись личная переписка, обмен подарками, оказание взаимных услуг.

Ключевые слова: гендерная история, женские социальные сети влияния, власть женщин, английская аристократка, первая половина XVI в., леди Гонория Лайл.

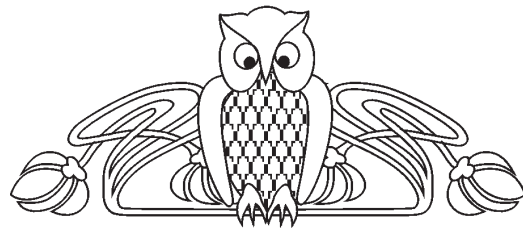
Women's Social Nets of Influence: Noble Women's Relationship in England in the First Half of XVI Century

А. I. Abarenova

This article is devoted to the phenomenon of so called "women's social nets of influence", which is connected with "women's power". On the basis of lady Lisle's letters the author tried to study the informal influence of an English aristocratic woman in the XVI century and show that the most effective methods were private correspondence, presenting gifts and giving alternative favours.

Key words: gender history, women's social nets of influence, women's power, English aristocratic woman, first half of XVI century, lady Honor Lisle.

На сегодняшний день гендерная история представляет собой огромное междисципли-

нарное поле, охватывающее социально-экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое, интеллектуальное измерение. В бурном потоке гендерных исследований можно выделить ключевые для этого направления сюжетные линии, охватывающие все сферы жизни: брак и семья, домашнее хозяйство и рынок, право и политика, религия, образование, культура и др.¹ В таком тематическом многообразии представляется целесообразным сосредоточить внимание на важнейшей проблеме – гендер и власть. Обращение именно к этой проблематике обусловлено появлением в современной историографии новой концепции власти, максимально расширенной и обогащенной², занимающей центральное место и в гендерной истории. Одной из главных ее задач является изучение возможностей и способности женщин, на протяжении многих веков лишенных доступа к формальным институтам политической власти³, оказывать опосредованное влияние на принятие решений в публичной сфере и на действия других людей или групп⁴.

В этом контексте в работах гендерных историков часто применяется понятие «власть женщин» (women's power)⁵, одним из проявлений которой являются так называемые женские социальные сети, или сети влияния, – «межиндивидуальные связи между женщинами или формирующиеся вокруг одной женщины»⁶. Их появление было вызва-

но тем, что, как правило, представительницы «слабого пола» не ограничивали себя общением только с членами семьи и соседями, но налаживали отношения с другими дамами, формируя, таким образом, своеобразные дружеские связи⁷. Поскольку доступ к публичной власти для женщин был ограничен, они находили иные способы влияния, в данном случае неформальные.

Важное место в исследовании проблемы гендера и власти занимает анализ политического аспекта гендерной дифференциации в переломную эпоху западноевропейской истории раннего Нового времени, когда женщины из аристократических фамилий, близкие к престолу, неизбежно оказывались в центре политических событий и процессов. В этой связи особую актуальность приобретает изучение роли социальных сетей в жизни английской аристократки первой половины XVI в., что позволяет на практике показать истинное положение знатной дамы в обществе того периода.

На основе переписки леди Гонории Лайл попытаемся выявить способы формирования женских социальных сетей, проанализировать основные мотивы и поводы для общения знатных дам друг с другом, определить степень эффективности женских дружеских связей.

Переписка леди Гонории является частью общей переписки семьи Лайл, охватывающей период с 1530 по 1540 г. и известной еще с XIX в. – впервые письма были обнаружены английскими историками Дж. Брюиром (1810–1879) и Дж. Гарднером (1828–1912). В 1846 г. М. Э. Эверетт Вуд поместила отдельные письма в свою трехтомную работу «Письма королей и знатных дам Великобритании: с XII века до правления королевы Марии»⁸. В 1932 г. американская исследовательница М. Сент-Клер Берн (1895–1983) структурировала источник, расположив письма в хронологическом порядке, и в 1982 г. опубликовала переписку (более 2000 писем); язык публикации – адаптированный английский⁹.

Хорошая сохранность переписки семьи Лайл объясняется следующим обстоятельством. После ареста Артура Лайла, супруга леди Гонории, вся семейная корреспонденция в поисках улик была отправлена ко двору и оказалась в числе королевских бумаг, благодаря чему в распоряжении современных историков имеются деловые письма, дружеские послания, приглашения на бракосочетание, рецепты лекарств и даже чек об оплате починки кожаных туфель. В письмах можно найти сведения, касающиеся практически всех сторон жизни английской аристократки первой половины XVI в.¹⁰ И, что для нас особенно важно, источник предоставляет возможность реконструировать реальное положение представительницы высшего сословия в Англии указанного периода, отдельные страницы ее биографии, домашние и публичные обязанности, социальные связи, роль в семье и обществе. В данной статье используются 11 писем

аристократок, в том числе и принадлежащие перу самой леди Гонории.

Итак, обратимся к нашей героине. Леди Гонория Лайл (1493–1560) происходила из знатного рода Гренвиллей, была супругой незаконнорожденного сына Эдуарда IV (1461–1483) Артура Плантагенета виконта Лайл, дяди Генриха VIII (1509–1547). На протяжении семи лет начиная с 1533 г. виконт Лайл осуществлял полномочия лорда – представителя короля в Кале¹¹. Брак с виконтом (это было её второе замужество) позволил леди Гонории войти в ближайшее королевское окружение. Кроме того, она обладала сильным характером, была, судя по всему, достаточно амбициозна и стремилась к достижению своих целей.

Леди Лайл вела активную переписку со знатными дамами. Среди ее адресатов известные в придворной среде женщины – леди Уэстон, фрейлина Екатерины Арагонской, супруг которой Ричард Уэстон снискал славу при дворе, входил в Тайный совет и был начальником таможни в Кале¹², леди Екатерина герцогиня Саффолк, входившая в ближайшее королевское окружение, супругом которой был Генри Брендон герцог Саффолк. В данном случае примечательны и другие факты – отец герцогини Уильям Уиллоуби 11-й барон д'Эрзби служил при дворе Генриха VIII, а мать Мария де Салинас была близкой подругой и фрейлиной королевы Екатерины Арагонской¹³. Леди Элеонора графиня Рагленд – влиятельная фрейлина королей Джейн Сеймур и Анны Клевской, жен Генриха VIII¹⁴. Мэри Кингстон – супруга Уильяма Кингстона, приближенного Генриха VIII, констебля Лондонского Тауэра, под наблюдением которого находилась в заточении Анна Болейн. Сама леди Мэри какое-то время была приближенной опальной королевы, а позднее её сын от первого брака Гарри Джернингем принимал участие во встрече новой супруги короля Анны Клевской, когда та прибывала в Англию¹⁵. Леди Мария графиня Сассекс не только была приближена ко двору, но и находилась в родственных отношениях с леди Гонорией, будучи ее племянницей¹⁶. Джейн леди Рингли – супруга Эдуарда Рингли, помощника лорда Лайла в Кале¹⁷. И, наконец, Елизавета Уэллоп, супруга Джона Уэллопа, занимавшего пост лейтенанта Кале¹⁸.

В своих письмах дамы обсуждают самые разные вопросы, начиная с семейных проблем и заканчивая событиями государственной важности. Как правило, основным итогом переписки было установление нужных аристократкам связей, при помощи которых они могли так или иначе влиять на положение в обществе – свое собственное и своей семьи.

Каковы же были пути формирования новых связей? Прежде всего, эффективным способом являлась сама личная переписка, благодаря которой устанавливались непосредственные контакты, завязывались приятельские/дружеские отношения, определялся круг общения, что, в конечном счете,

способствовало усилению неформального влияния аристократок на определенном уровне. Обмениваясь информацией, знатные дамы в некоторой степени формировали общественное мнение.

Важным каналом неформального влияния, судя по переписке, был также обмен подарками. Британская исследовательница истории раннего Нового времени Ф. Хил отмечает, что обмен подарками, особенно продуктами питания, содержал в себе несколько смыслов. Во-первых, пища выступала в качестве объединяющего элемента, то есть «мы едим одно и то же, следовательно, у нас много общего». Во-вторых, при помощи подобных подарков можно было установить отношения патроната, все зависело от статуса дарящего и одаряемого. И в-третьих, примешивается религиозный аспект – необходимость проявления щедрости¹⁹.

В исследуемом нами источнике много конкретных случаев обмена подарками – продуктами питания или какими-либо вещами; при этом любой подаренный предмет имел значение и нес в себе определенный смысл. И, конечно, обмениваясь подарками, дамы стремились сделать что-то приятное друг другу.

Герцогиня Саффолк пишет, обращаясь к леди Лайл: «Сердечно благодарю Вас за то прекрасное вино, которое Вы прислали мне. Уверю Вас, оно оказалось очень хорошим. Также спасибо за прелестную маленькую собачку, этот подарок доставил мне большую радость...»²⁰. Вино здесь – элемент объединяющий, его часто посылали друг другу представители высшего сословия. А собачка – достаточно личный подарок, скорее всего, она выступала в качестве своеобразного сувенира, который должен радовать нового хозяина и напоминать о дарителе.

Очень часто аристократки обменивались ювелирными украшениями. Леди Рингли в письме от 18 мая 1539 г. благодарит леди Лайл за «коралловые бусы с золотым сердечком», а в ответ высылает «золотое кольцо с плоским камнем и бриллиантом»²¹. Впрочем, золотые кольца в качестве подарка в переписке встречаются достаточно часто: леди Лайл дарила кольца знатым дамам, супругам чиновников в Кале. Дорогие украшения отражали обеспеченность и высокое общественное положение дарителя. Кроме того, известно, что внутри семьи украшения тоже имели большое значение – их часто передавали по наследству, отдавали в качестве приданого. Неудивительно поэтому, что знатные дамы могли дарить своим «подругам» ювелирные украшения, а те с удовольствием и благодарностью их принимали.

Графиня Ратленд в своих письмах благодарит леди Лайл за присланные ей подарки – две бочки сельди, вино, вишню²². Кроме того, леди Элеонора добавляет, что если леди Гонории понадобится какая-либо помощь, она её непременно окажет²³. Аналогичная по смыслу фраза содержится и в письме герцогини Саффолк: «...я буду чрезвычайно счастлива, если смогу сделать что-то подобное

для Вас»²⁴. Фактически речь идет об оказании взаимных услуг. Можно предположить, что подарки делались в расчете именно на то, что одаряемый в нужный момент окажет необходимую помощь.

И действительно, графиня Ратленд, которую леди Лайл довольно часто одаривала подарками, сыграла важную роль в жизни ее дочери, Екатерины. По просьбе леди Лайл девушка воспитывалась в семье графини. Благодаря стараниям леди Элеоноры Екатерина стала фрейлиной королевы Джейн Сеймур²⁵.

Похожая ситуация сложилась и во взаимоотношениях леди Лайл с графиней Сассекс, которая радела за судьбу второй дочери леди Гонории, Анны. Информацию об этом можно почерпнуть из письма леди Уэллоп. Восьмого августа 1539 г. она пишет, что недавно при дворе видела Анну: «...очень приятная молодая леди»²⁶. И добавляет, что своим нынешним положением семья Лайл обязана графу и графине Сассекс²⁷. Леди Лайл ранее в письме к леди Марии графине Сассекс обещает помогать слугам, родственникам графини, «если они будут нуждаться»²⁸.

Леди Лайл в свою очередь не оставалась равнодушной к просьбам знатных дам. Леди Мэри Кингстон в письме от 27 ноября 1539 г. просит леди Лайл посодействовать ее «бедному сыну» Гарри Джермингему в приобретении лошади в Кале: «...Поскольку у нас нет друзей, которые могли бы нам помочь... мы просим Вас: не могли бы Вы быть так добры и помочь нам в решении этого вопроса»²⁹.

А леди Уэстон сообщает леди Гонории, что ей необходимо устроить некую женщину, которая служила прежде в их семье: «Уверю Вас, она достойная девушка, скромная и умная, чиста на руку и не болтлива... Не буду скрывать причину её отъезда из моего дома. Она полюбила молодого человека, слугу моего мужа, он ответил ей тем же, хотя у него ничего нет за душой. Однако жениться на ней он не собирается. Затем он не угодил моему мужу, и он его уволил. Муж приказал мне дать расчет и служанке, и сейчас она живет со своим дядей»³⁰. По-видимому, между леди Лайл и леди Уэстон были весьма доверительные отношения: леди Елизавета, проявляя искреннюю заботу о своей бывшей служанке, сообщает леди Гонории информацию очень личного характера и, видимо, не сомневается, что та с пониманием отнесется к сложившейся ситуации. Отметим, что помощь в выборе прислуги – вполне обычное явление в среде знати – может рассматриваться как еще один немаловажный способ взаимодействия аристократок. Попутно заметим, какие качества ценят знатные дамы в «достойных леди»: скромность, ум, честность, умение «держаться язык за зубами».

Дружеские и/или приятельские отношения в женском аристократическом обществе были совершенно незаменимы при обмене информацией, особенно когда кто-то из дам, приближенных ко двору, по тем или иным причинам оказывался за

пределами королевства. Именно благодаря переписке находившаяся в Кале леди Лайл была в курсе событий придворной жизни. В частности, леди Ратлэнд в одном из писем, адресованных леди Гонории Лайл, упоминает королевскую семью, отмечая, что «король и королева пребывают в здравии»³¹. А леди Мэри Кингстон в письме от 27 ноября 1539 г. сообщает о приезде в Англию новой королевы, Анны Клевской: «Моя почтенная леди, прошу Вас быть доброй по отношению к моему бедному сыну Гарри Джермингему, который в скором времени вместе с нашим лордом [Артуром Лайлом. – А. А.] должен будет встречать нашу молодую королеву»³². Учитывая сложность и противоречивость жизни двора Генриха VIII, аристократкам и их семьям была крайне необходима своевременная информация о происходивших событиях, чтобы правильно ориентироваться и не совершать опрометчивых поступков. И женские социальные связи играли в этом немаловажную роль.

Итак, основными способами формирования женских социальных сетей были личная переписка, обмен подарками и оказание взаимных услуг. На основе этой практики налаживались дружеские/приятельские связи с представительницами своего круга, что само по себе было очень важно, давая возможность женщинам выходить за рамки только семейного общения и семейных проблем; завязывались «полезные» для аристократок отношения, позволявшие и решать семейные дела, и обсуждать важные новости, и участвовать в жизни двора, в том числе в церемонии встречи королевы. В результате, очень редко обладая формальным авторитетом, знатные женщины действительно располагали эффективными каналами неформального влияния.

Примечания

- 1 Подробный анализ гендерно-исторических исследований по всем этим направлениям см.: Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки: хрестоматия. М., 2002. С. 9–158.
- 2 Как отмечает Л. П. Репина, сегодня все чаще проводится различие между обладанием, с одной стороны, легитимной политической властью, а с другой – возможностью оказывать на людей, их действия и происходящие события неформальное влияние, т. е. воздействовать на них для достижения своих целей. В соответствии с этим расширяется и понимание политической истории, в предмет которой теперь включается не только официальная политика, но и все, что так или иначе касается властных отношений в обществе. На этой же концептуальной основе ставится и вопрос о роли гендерной системы в распределении властных полномочий (см.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 536).
- 3 Традиционно так называемые мужские качества включали в себя политическую активность и ответственность, в то время как женские добродетели оста-

вались всецело «домашними». Считалось, что в идеале женщина является своеобразным «приложением» к мужчине, она должна была всецело погрузиться в домашние дела и семейные заботы и даже не помышлять о возможности реализовать себя в иных сферах (см.: Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999; Арнаутова Ю. Е. Женщина в «культуре мужчин»: брак, любовь, телесная красота глазами агиографов X века // Адам и Ева: Альманах гендерной истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2001. № 1. С. 46–89; Лабутина Т. Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001; Суприянович А. Г. Женская идентичность и средневековая мистика: опыт гендерного анализа. М., 2008). Известные антропологические концепции, на которые в значительной степени опираются гендерные историки, связывают доминирующее положение мужчин и неравенство полов с функциональным разделением человеческой деятельности на частную (домашнюю) и публичную (общественную) сферы и с вытеснением женщин из последней (см.: Репина Л. П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996. С. 20–32).

- 4 См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. С. 536.
- 5 «Власть женщин» исследуется во всем многообразии ее проявлений: рассматриваются воздействие женщин на политические решения и исторические события, их роль в семье, в экономике и общественной жизни, их влияние на формирование и передачу культурных стереотипов (см.: Harris B. Sisterhood, friendship and the power of English aristocratic women, 1450–1550 // Women and politics in Early Modern England, 1450–1700. Padstow, Cornwall, 2004. P. 21–50; Репина Л. П. Гендерная иерархия и «власть» женщин: индивидуальный опыт в социальном контексте // Теория и методология гендерных исследований: в 2 ч. М., 2006. Ч. 1. С. 173–195; Винокурова М. В. Имущественные права женщин в средневековой Англии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. № 1. С. 101–130).
- 6 Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. С. 538.
- 7 См.: Репина Л. П. Гендерная иерархия и «власть» женщин: индивидуальный опыт в социальном контексте // Теория и методология гендерных исследований. Ч. 1. С. 173–195.
- 8 См.: Letters of royal and illustrious ladies of Great Britain from the commencement of the twelfth century to the close of the reign of Queen Mary: in 3 vols. / ed. by Mary Ann Everett Wood. L., 1846.
- 9 The Lisle Letters: in 6 vols. / ed. by Muriel St. Clare Byrne. Chicago; L., 1981. Существует публикация 10 писем на русском языке (см.: Письма леди Гонории Лайл / пер. Л. Н. Черновой и Е. В. Двойниной // Гендерная история Западной Европы: хрестоматия: в 5 кн. М., 2007. Кн. 4. С. 223–232).

- ¹⁰ Факты, отдельные рассуждения, мнения и оценки, содержащиеся в переписке, позволяют определить степень обеспеченности и «болевы точки» высшего сословия, выявить методы управления поместьями и способы ведения хозяйства, в том числе возникающие в этой связи проблемы, дать перечень, хотя и далеко не полный, выращиваемых сельскохозяйственных культур и животных, установить дополнительные доходы, охарактеризовать общественные устремления, жизненные ориентиры дворянства.
- ¹¹ Французский город, с 1346 по 1559 г. принадлежавший Англии.
- ¹² The Lisle Letters. Vol. 1. P. 330–331.
- ¹³ См.: Catherine Duchess of Suffolk to Lady Lisle, 1537 // Letters of royal and illustrious ladies. Vol. 2. P. 310–311.
- ¹⁴ См.: Elinor, Countess of Ruthland to Lady Lisle // Ibid. P. 308–309.
- ¹⁵ См.: Mary, Lady Kingston, to Lady Lisle, 27 November 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 142–143.
- ¹⁶ Она была дочерью сестры леди Лайл, Екатерины – супруги рыцаря Джона Арундела из Лангерна (см.: Honor Viscountess Lisle to Countess of Sussex, 14 November 1537 // Ibid. Vol. 2. P. 314–317).
- ¹⁷ См.: Jane, Lady Ringley, to Lady Lisle, 18 May 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 127–128.
- ¹⁸ См.: Elizabeth, Lady Wallop to Lady Lisle // Ibid. P. 143–145.
- ¹⁹ См.: Heal F. Food Gifts, the Household and the Politics of Exchange in Early Modern England // Past and Present. 2008. № 119. P. 41–70.
- ²⁰ Catherine Duchess of Suffolk to Lady Lisle, 1537 // Letters of royal and illustrious ladies. Vol. 2. P. 310–311.
- ²¹ См.: Jane, Lady Ringley, to Lady Lisle, 18 May 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 127–128.
- ²² См.: Elinor, Countess of Ruthland to Lady Lisle // Ibid. P. 115–116 ; 149–151 ; Vol. 2. P. 310–311.
- ²³ См.: Elinor, Countess of Ruthland to Lady Lisle // Ibid. Vol. 2. P. 310–311.
- ²⁴ Catherine Duchess of Suffolk to Lady Lisle, 1537 // Ibidem.
- ²⁵ Ibid. P. 308–309.
- ²⁶ См.: Elizabeth, Lady Wallop to Lady Lisle // Ibid. Vol. 3. P. 143–145.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ См.: Honor, Viscountess Lisle to Countess of Sussex, 14 November 1537 // Ibid. Vol. 2. P. 314–317.
- ²⁹ Mary, Lady Kingston, to Lady Lisle, 27 November 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 142–143.
- ³⁰ Леди Уэстон – леди Лайл, ноябрь или декабрь 1532 г. // Гендерная история Западной Европы : хрестоматия. Кн. 4. С. 225–226.
- ³¹ Elinor, Countess of Ruthland to Lady Lisle // Letters of royal and illustrious ladies. Vol. 2. P. 308–309.
- ³² Mary, Lady Kingston, to Lady Lisle, 27 November 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 142–143.

УДК 94(415).05

МИРОВЫЕ СУДЬИ И СЕВЕРНЫЙ СОВЕТ НА ЗАКАТЕ ЭПОХИ ТЮДОРОВ

А. А. Бельцер

Самарский институт – высшая школа приватизации и предпринимательства
E-mail: abelhist@yandex.ru

Данная статья посвящена взаимоотношениям мировых судей и Северного совета на рубеже XVI–XVII вв. На материалах конфликта между мировыми судьями Йоркшира и Северным советом сделана попытка выявить особенности саморепрезентации государственных институтов эпохи Тюдоров.

Ключевые слова: мировые судьи, Северный совет, Йоркшир.

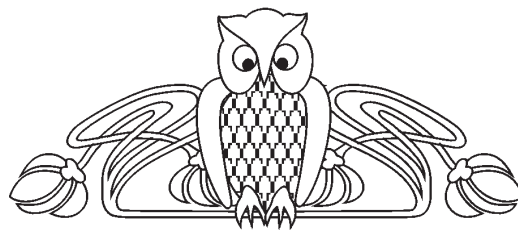
Justices of Peace and the Council of the North in the Sunset of Tudor Epoch

A. A. Beltser

This paper is dedicated to the relations between justices of peace and the Council of the North. On the materials of the conflict between the Yorkshire justices of peace and the Council of the North the author tries to trace features of selfrepresentation of Tudor institutions of the state.

Key words: justices of peace, Council of the North, Yorkshire.

Региональные советы давно получили в историографии статус инструмента укрепления

английской абсолютной, или новой монархии. Создание Северного совета, Совета Уэльса и Западного совета и современники, и потомки связывали с попыткой королевской власти навести порядок в удаленных от центра проблемных регионах. В своей работе советы вынуждены были выстраивать взаимоотношения с представителями местного управления. Особенно важным этот процесс был на севере страны, постоянно доставлявшем Тюдорам беспокойство. Неудивительно, что именно волнения в северных землях сыграли важную роль в деятельности Северного совета: своей окончательной институционализацией он был обязан Благодатному паломничеству, а «восстание северных графов» привело к возрождению его значимости. В ходе этих конфликтов представители местного управления далеко не всегда проявляли себя наилучшим образом и надзор за ними изначально входил в обязанности Совета. На протяжении всего правления Тюдоров Совет не